

СЛУЖБА ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА.

Шпіоны ¹⁾.

I.

Ѣ открытіемъ Японіей противъ насъ военныхъ дѣйствій, содержаніе нашихъ газетъ замѣчательно походило на то, что говорила французская пресса во время войны 1870—71 годовъ. Газеты того времени были наполнены сѣтованіями по поводу дѣятельности нѣмецкихъ шпіоновъ, какъ въ періодъ, предшествовавшій войнѣ, такъ и въ теченіе самой кампаніи. Всякаго, кто только занимался развѣдываніемъ, французы клеймили позорнымъ словомъ «шпіонъ», осуждали недобросовѣстность нѣмцевъ и ихъ дѣйствій и превозносили свою честность. Нѣмцы спокойно принимали выходы французскихъ газетъ, воздавали должное организациі своей развѣдывательной службы и видѣли въ тайныхъ развѣдкахъ своихъ офицеровъ служебный долгъ, вполне оправдываемый приносимой отечеству пользой.

¹⁾ Настоящая статья служитъ продолженіемъ ряда очерковъ о развѣдывательной службѣ въ мирное время, напечатанныхъ въ «Военномъ Сборникѣ» за 1911, 1912 и 1913 годы, и непосредственно дополняетъ статью о шпіонствѣ («Военный Сборникъ» 1913 г. № 2).

Послѣ нашей несчастной кампаніи и мы старались заглушить свои промахи проявленіемъ національной честности и щепетильностью по отношенію къ развѣдывательной дѣятельности японцевъ. Каждого изъ тѣхъ, кто только проживалъ въ нашемъ отечествѣ съ цѣлью ознакомленія съ Россією и ея средствами, мы звали и зовемъ шпионами. Японцы, наоборотъ, превозносятъ своихъ развѣдчиковъ.

Словомъ, въ нашихъ и во французскихъ понятіяхъ съ одной стороны, и въ нѣмецкихъ и японскихъ съ другой, явное противорѣчіе: у насъ разность взглядовъ. И мы и французы крайне простодушно понимаемъ національную честность. Намъ кажется крайне омерзительнымъ жить въ какомъ нибудь государствѣ, пользоваться его гостепрѣимствомъ и тайно вывѣдывать или что-либо высматривать. Такое дѣйствіе мы считаемъ подлымъ ремесломъ и клеймимъ его, по нашему мнѣнію, презрѣннымъ наименованіемъ— «шпіонство». Мы склонны лишь къ открытой дѣятельности и даже къ тайнымъ развѣдкамъ своихъ офицеровъ за границую относимся съ неуваженіемъ. Если намъ, даже въ силу обстоятельствъ, и приходится находиться въ необходимости собирать секретнымъ путемъ свѣдѣнія, то дѣлаемъ это съ отвращеніемъ и съ неумѣньемъ. Франція также страна рыцарская. И тамъ развѣдываніе не можетъ привиться въ народѣ, какъ идея необходимости.

Наоборотъ—нѣмцы склонны къ тайному развѣдыванію. Донесеніе о видѣнномъ на чужой территоріи (для пользы своего отечества) является долгомъ cadaго германца. Всякій ставитъ себѣ въ заслугу, если можетъ что либо подсмотрѣть за границую, каждый восторгается какою либо секретною поѣздкою переодѣтаго офицера генеральнаго штаба, и никому въ голову не придетъ назвать его шпиономъ. Развѣдки нѣмцы дѣлаютъ умѣло, осторожно и ловко. Число попадающихся изъ ихъ рекогносцеровъ сравнительно не велико и на мѣсто арестованнаго или выбывшаго развѣдчика найдется всегда нѣсколько другихъ. Если нѣмцы не признаются открыто въ своей дѣятельности, то происходитъ это не въ силу стыда или щепетильности, а просто потому, что это невыгодно, да и не одобряется общественнымъ мнѣніемъ не Германіи, а Европы, съ которыми германцы, по пережитку понятій, все еще считаются.

Японское правительство и всѣ его представители получали самыя достовѣрныя свѣдѣнія отъ каждой японки, отъ cadaго боя, служащаго у европейца, словомъ, отъ всякаго, видѣвшаго что либо интересное. Во всѣхъ деревняхъ Уссурійскаго края, Кореи и Манчжуріи проживали японцы, переодѣтые китайцами съ привязанными косами. Развѣдывали самыя интеллигентныя японцы и не брегали и

никакими средствами для наилучшаго исполненія своего дѣла. Офицеры японскаго генеральнаго штаба скрывались подъ видомъ фотографовъ, цирюльниковъ, лакеевъ, торговцевъ и пр. Работали они всѣ во имя идеи. Одинъ капитанъ генеральнаго штаба служилъ лакеемъ у казачьяго офицера и нерѣдко подвергался ударамъ. Впослѣдствіи, будучи узнанъ въ Японіи своимъ прежнимъ путешествовавшимъ хозяиномъ, онъ сказалъ, что ради родины готовъ былъ бы и не то перенести. Капитанъ Хирозо, погибшій во время одной изъ попытокъ блокировать входъ въ Портъ-Артуръ, оставилъ послѣ себя письмо, въ которомъ писалъ: «я изучилъ русскій языкъ и поступилъ во флотъ потому, что хотѣлъ по возможности помочь своимъ раздавить Россію»... Всѣ японскіе тайные развѣдчики показали храбрость и пойманные признавались въ служеніи идеѣ. Разстрѣлянные въ Харбинѣ по приговору полевого суда два японскихъ офицера, схваченные съ атрибутами подрывнаго дѣла, Итезо-Ююка и Теиска-Оки — на казни держали себя твердо. Оставшіяся у нихъ деньги просили обратить на благотворительныя дѣла. Послѣдними словами ихъ было: «Смерть за родину и вѣчная слава. Всѣ должны умереть. Тѣмъ лучше сдѣлать это доблестно на подвигѣ».

Русскія газеты единогласно называли этихъ героевъ «шпіонами».

Шпіономъ же вся европейская пресса въ минувшую зиму единогласно называла полковника австрійскаго генеральнаго штаба Редля, продававшаго сосѣднимъ государствамъ порученныя ему военныя тайны самаго секретнаго характера, слѣдовательно *измѣнявшаго* своему отечеству.

Между тѣмъ какая огромная разница между подвигомъ Итезо-Ююка и Теиска-Оки и предательствомъ Редля! Справедливо ли и тѣхъ и послѣдняго называть шпіонами? Конечно, нѣтъ.

Такая путаница понятій явно происходитъ отъ непониманія значенія слово шпіонъ.

Постараемся разобраться.

Слово шпіонъ происходитъ отъ *espier*, т.-е. подсматривать, подглядывать, выслѣживать. Но такъ какъ подсматривали и подслушивали въ старину преимущественно негодяи, притомъ исключительно изъ за матеріальныхъ выгодъ, то ихъ и клеймили презрѣніемъ. Поэтому слово шпіонъ и служило понятіемъ чего то низкаго и отвратительнаго.

«Шпіонство было бы терпимо», говоритъ Монтескьё, «если бы оно исполнялось честными людьми, но подлость, присущая занимающимся шпіонствомъ, позволяетъ судить и о подлости ремесла».

«Честный человекъ, не желающій подвергнуться опасности умереть отъ руки палача, не занимается ремесломъ шпиона, которое считается кромѣ того недостойнымъ, такъ какъ не обходится безъ какой либо измѣны», подтверждаетъ Ваттель ²⁾).

Отсюда совершенно ясно, что первоначально со словомъ шпионъ было неразлучно связано понятіе объ измѣнѣ. Поэтому подъ шпиономъ слѣдуетъ безусловно понимать или тайнаго развѣдчика, измѣняющаго своими дѣйствіями отечеству, или подданнаго нейтральнаго государства, занимающагося симъ ремесломъ лишь изъ за матеріальныхъ выгодъ. Обѣ категоріи, конечно, заслуживаютъ презрѣнія: первые, такъ какъ дѣйствуютъ противъ своего долга, а вторые, какъ предатели, не побуждаемые долгомъ. При такой постановкѣ вопроса разногласія безусловно не будетъ. Вѣдь и нѣмцы и японцы съ одинаковымъ презрѣніемъ относятся къ измѣнникамъ. Мы знаемъ случай, когда во время войны толпа японцевъ въ Нагасаки хотѣла линчевать своего соотечественника, заподозрѣннаго въ продажѣ плана одного изъ портовъ русскому посланнику. Знаемъ также, что всякій нѣмецъ, заподозрѣнный въ измѣнѣ, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія долженъ бываетъ экспатрироваться.

Исходя изъ только что сказаннаго, также совершенно ясно, что и слово шпионство или какъ теперь говорятъ — «шпионажъ», получившее такое неблаговидное и презрѣнное значеніе, неправильно относится ко всему тайному развѣдыванію или тайному добыванію свѣдѣній. Шпионство только отрасль службы тайнаго развѣдыванія, имѣющей цѣлью сборъ необходимыхъ государству свѣдѣній. Служба эта составляетъ цѣлую систему и отправляется множествомъ лицъ, составляющихъ также цѣлую іерархическую лѣстницу. Большинство лицъ, дѣйствующихъ такими путями на пользу государства, подданными котораго состоятъ, не только не можетъ быть осуждаемо, но даже заслуживаетъ уваженія. Услуги этихъ лицъ оплачиваются отечествомъ, какъ оплачивается каждая служба государству. Итакъ, повторяемъ, дѣятельность подданныхъ, состоящихъ ли на постоянной службѣ тайнаго развѣдыванія или лишь временно и, такъ сказать, частнымъ путемъ выполняющихъ порученія, рѣзко отличается отъ шпионовъ. Всѣхъ ихъ правильнѣе называть тайными агентами или тайными развѣдчиками, а не шпионами.

²⁾ Vattel, Le droit des gens, p. 179.

II.

Въ очеркѣ «Шпіонство» въ общихъ чертахъ были освѣщены современные шпіоны, ихъ служба и управленіе ими. Для полного, однако, знакомства съ вопросомъ, съ цѣлью оберечь себя отъ неосторожныхъ дѣйствій, а главное разговоръ и легкомысленной болтовни, къ которой всѣ вѣдь такъ склонны, мы желаемъ дать нѣсколько характеристикъ наиболѣе видныхъ шпіоновъ послѣдняго времени. Къ крайнему сожалѣнію, задача эта довольно трудна, такъ какъ большинство шпіонскихъ процессовъ ведется при закрытыхъ дверяхъ изъ весьма понятнаго опасенія каждаго правительства выдать организацію своей тайной развѣдывательной службы. Поэтому приходится ограничиться только свѣдѣніями о нижеслѣдующихъ шпіонахъ ³⁾).

Альфредъ Дрейфусъ. Когда генералъ Мерсье вступилъ 3-го декабря 1893 года въ управленіе военнымъ министерствомъ, начальникъ развѣдывательнаго отдѣленія, генеральнаго штаба полковникъ Сандгеръ, доложилъ ему, что тройственный союзъ усиленно развилъ свою развѣдывательную службу, что германскія развѣдывательныя отдѣленія работаютъ въ Страсбургѣ, Брюсселѣ и въ Швейцаріи, и что руководство шпіонами въ Парижѣ перешло въ руки военныхъ агентовъ: Пруссіи—полковника Шварцкоппена и итальянскаго—маіора Паницарди. Служившая въ германскомъ посольствѣ въ Парижѣ горничная Бастианъ, вкравшаяся въ довѣренность графини Маріи Мюнстеръ, дочери посла, ежедневно обходила посольство, собирала изъ корзинъ и каминовъ бумажные отбросы и доставляла ихъ затѣмъ, разъ или два въ мѣсяць, въ развѣдывательное отдѣленіе. Изъ разбора этихъ отбросовъ и изъ другихъ источниковъ французскому генеральному штабу стало извѣстно, что германцами были похищены планы французскихъ пограничныхъ крѣпостей (plans directeurs). Французскіе агенты контръ-шпіонства тщетно искали виновника; кражи между тѣмъ не прекращались, такъ какъ изъ переписки Шварцкоппена съ Паницарди стало извѣстно, что они добыли свѣдѣнія объ организаціи службы французскихъ желѣзныхъ дорогъ въ случаѣ войны. Наконецъ, въ руки французовъ попало извѣстное «бордеро», препроводительная бу-

³⁾ *Источники:* 1) Le procès Dreyfus devant le conseil de guerre de Rennes, 2) Joseph Reinach. Histoire de l'affaire Dreyfus. 3) Georges Clémenceau. Contre la justice. 4) Yves Guyot. La révision du procès Dreyfus. 5) Maurice Vauthier. La France et l'affaire Dreyfus. 6) La plainte contre Esterhazy. 7) Essai sur le colonel Picquart, 8) Bernard Lazare. La vérité sur l'affaire Dreyfus. 9) H. Villemart. Dreyfus intime. 10) Bernard Lazare. Une erreur judiciaire. 11) Le procès Zola.

мага, въ которой неизвѣстное лицо перечисляло посылаемыя Шварцкоппену секретные документы большой важности. Не подлежало никакому сомнѣнiю, что измѣна существовала, и среди офицеровъ, служащихъ въ управленiи генеральнаго штаба, поднялся страшный переполохъ. Старшiе начальники управленiя генеральнаго штаба пришли къ заключенiю, что по существу проданныхъ документовъ — виновный долженъ былъ принадлежать къ составу генеральнаго штаба, долженъ быть артиллеристъ и проходилъ службу во всѣхъ отдѣленiяхъ генеральнаго штаба; наконецъ, по сравненiю почерковъ служащихъ съ бордеро, нашли громадное сходство съ почеркомъ Дрейфуса. Было назначено дознанiе, выяснившее много подозрительныхъ поступковъ подозреваемого, и Дрейфусъ былъ арестованъ. Преданный военному суду при закрытыхъ дверяхъ, онъ былъ приговоренъ къ разжалованiю, пожизненному одиночному заключенiю и сосланъ во французскую Гвиану на Чортовъ островъ. Все это происходило въ 1894 году.

Съ самаго начала этого процесса французская пресса, въ виду агитацiи, поднятой родственниками Дрейфуса и евреями, раздѣлилась на двѣ части, споря объ его виновности. Подполковникъ Пикарь, замѣстившiй Сандгера въ должности начальника развѣдывательнаго отдѣленiя, пришелъ къ убѣжденiю, что Дрейфусъ невиненъ и что преступленiе совершено нѣкимъ полковникомъ Вильязинъ-Эстергази. Тогда сенаторъ Шереръ Кестнеръ (1897) и братъ Дрейфуса подняли кампанiю для пересмотра дѣла Дрейфуса. Разразилась еще болѣе страстная борьба, раздѣлившая всю Францiю на два лагеря: дрейфуссаровъ или семитовъ и антидрейфуссаровъ. Полковникъ Эстергази былъ преданъ суду въ 1898 году, но единогласно оправданъ. Оправданiе это пришлось, конечно, не по вкусу дрейфуссарамъ, и извѣстный писатель Эмиль-Зола публично обвинилъ судъ въ оправданiи Эстергази, яко-бы «по приказанiю начальства». Зола былъ осужденъ къ тюремному заключенiю на годъ и къ штрафу въ 3.000 франковъ, но приговоръ этотъ былъ, впрочемъ, отмѣненъ палатою въ томъ же 1898 г. Тутъ дѣло еще болѣе осложнилось, такъ какъ одинъ изъ обвинителей Дрейфуса, подполковникъ Нелгу, признался, что одинъ изъ документовъ, послужившiй къ обвиненiю Дрейфуса, былъ имъ поддѣланъ, и сейчасъ же лишилъ себя жизни. Общественное мнѣнiе требовало пересмотра дѣла Дрейфуса и министерство Бриссона добилось отъ кассационной палаты отмѣны приговора военнаго суда и назначенiя новаго процесса. Дрейфусъ былъ привезенъ во Францiю, преданъ суду въ Реннѣ и, большинствомъ пяти голосовъ противъ двухъ, признанъ виновнымъ въ

измѣнѣ, но при обстоятельствахъ, заслуживающихъ снисхожденія, и приговоренъ къ 10-ти годамъ одиночнаго заключенія. Желая, однако, прекратить дѣло, уже надѣлавшее не мало зла Франціи, президентъ республики, Эмиль Лубэ, освободилъ Дрейфуса отъ наказанія.

Разбираясь во всемъ процессѣ Дрейфуса, самый безпристрастный судья не можетъ опредѣленно сказать—правъ ли или виновенъ Дрейфусъ, такъ какъ французское начальство для поддержанія своего престижа и евреи для доказательства правоты своего соплеменника впадали въ крайности подъ вліяніемъ разбушевавшихся страстей. Отвѣтить на этотъ вопросъ могли бы только самъ Дрейфусъ и германское правительство. Послѣднее заявляло о невинности Дрейфуса, но заявляло официально. Быть можетъ заявленіе это и искренно, но не менѣе вѣроятно, что оно было сдѣлано, дабы доказать шпіонамъ, что германское правительство не выдаетъ служащихъ ему. Несомнѣнно только, что французы изъ-за призрачной идеи справедливости, и къ тому же не національной, а еврейской, вывернули наружу, на руку нѣмцамъ, всю организацію своей развѣдывательной службы.

Гренье ⁴⁾). Нѣкто Гренье, служившій во французскомъ морскомъ министерствѣ, предложилъ свои услуги въ качествѣ шпіона германскому военному агенту, который, однако, опасаясь ловушки, отказался вести съ нимъ какія либо дѣла. Черезъ нѣсколько дней все же сношенія съ Гренье были завязаны, но не непосредственно, а черезъ посредство итальянскаго военнаго агента, маіора Паницарди. Обстоятельство это первоначально сбило съ толку полицію, которой доподлинно было извѣстно, что изъ морского министерства для полковника Шварцкоппена похищаются документы, и которая тщательно слѣдила за всѣми имѣвшими сношенія съ германскимъ военнымъ агентомъ, но не могла никакъ напасть на слѣдъ. Совершенно случайно изъ отбросовъ сорной корзины Шварцкоппена въ руки французовъ попалъ счетъ Паницарди, что заставило слѣдить за итальянскимъ военнымъ агентомъ. Черезъ нѣкоторое время Гренье былъ арестованъ съ поличнымъ у входа въ квартиру Паницарди. Гренье былъ преданъ суду и осужденъ.

Бутоннэ ⁵⁾). Въ теченіе довольно продолжительнаго времени, въ 1889 и 1890 годахъ у французскаго начальства имѣлись также доказательства о частой пропаянѣ бумагъ и документовъ по артилерійской части. Хотя директоръ артилерійскаго заведенія въ Ст. Тома д'Акэнъ и не допускалъ мысли объ измѣнѣ своего персо-

⁴⁾ Procés Dreyfus. T. I, pp. 539 et 591.

⁵⁾ Procés Dreyfus. T. I, p. 278; T. III, pp. 223, 230.

нала, за служащими былъ учрежденъ самый бдительный надзоръ, который скоро обнаружилъ виновника, въ лицѣ нѣкоего Бутоннэ, единственнаго штатскаго, служившаго въ техническомъ отдѣленіи и имѣвшаго въ своихъ рукахъ всѣ секреты новѣйшихъ изобрѣтеній въ артилеріи.

Главною причиною возможности похищенія секретныхъ документовъ было слишкомъ большое количество разнаго хлама, хранившагося въ архивахъ съ надписью «секретно», по существу своему ничего секретнаго не представлявшаго, но не позволявшаго обратить вниманіе на храненіе документовъ, представлявшихъ собою дѣйствительныя военныя тайны и имѣвшихъ отношеніе къ оборонѣ страны и нововводимымъ техническимъ усовершенствованіямъ.

Бутоннэ отлично рисовалъ и проносилъ подъ платьемъ сдѣланныя имъ копіи нѣкоторыхъ документовъ, которыя и передавалъ подкупившему его прусскому военному агенту.

Самыми важными похищенными документами были чертежи гидравлическаго затвора, которыми нѣмцы воспользовались для усовершенствованія своей артилеріи.

Въ рукахъ французскаго развѣдывательнаго отдѣленія и полиціи были самыя вѣрныя данныя, что Бутоннэ былъ подкупленъ Шварцкоппеномъ, а потому шпиона вскорѣ арестовали во время свиданія съ прусскимъ военнымъ агентомъ, въ ту именно минуту, когда онъ передавалъ повернувшемуся къ нему спиною Шварцкоппену свертокъ и получилъ взамѣнъ деньги. На протестъ по этому поводу французскаго правительства германскому послу въ Парижѣ, графъ Мюнстеръ завѣрилъ, что къ дѣлу Бутоннэ никто изъ его посольства не причастенъ. Бутоннэ все же былъ преданъ суду, на которомъ сознался въ преступленіи и въ преступныхъ сношеніяхъ съ Шварцкоппеномъ. Дѣло это показало, насколько вообще можно довѣрять завѣреніямъ дипломатовъ.

С. Чернозубовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

